

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ
РОССИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

СХОДСТВО

1876

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ III.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ.

церу, чтобы его, унтеръ-офицера, команда, будучи ему и командѣ, при взятьѣ тѣхъ по указыванью доносителемъ колодниковъ въ которыхъ домахъ взяты будуть, обидъ и разоренія и грабежа никакого не учинить и доноситель бы въ взятыхъ домахъ грабежа не училъ же; и въ тѣхъ домахъ, гдѣ взяты будуть подозрительные люди, велѣть оставлять караулъ по два человѣка солдатъ и смотрѣть, чтобы изъ того дома чого вывезено не было; также и доносителю какъ въ взятахъ и

въ грабежахъ и въ разореніяхъ не быть послушнымъ, ибо отъ онаго доносителя изъ дома его караульной явился въ подорожномъ намѣреніи отбоѣ подозрительного человѣка, по томъ по слѣдствію въ сыскномъ приказѣ, по повинкѣ его, отосланъ на военный судъ, изъ чего видны онаго доносителя неправдивые поступки, за что и прежде учинено съ нимъ было по указамъ»...

Д. Мордовцевъ.

НИКОЛЬСКІЙ УѢЗДЪ И ЕГО ЖИТЕЛИ.

Удьба закинула меня въ вологодскую губернію, въ городъ Никольскъ, на рѣкѣ Югѣ; здѣсь я провелъ два года и имѣль случай познакомиться съ жизнью мѣстныхъ крестьянъ.

По характеру природы и промыщенности никольскій уѣздъ можно раздѣлить на три неравные части: восточную—по системѣ р. Вожмы, западную—по системѣ р. Кемы и сѣверную—по р. Югу и его притокамъ. Первые двѣ рѣки принадлежать къ волжскому бассейну, а послѣднія—къ двинскому; по серединѣ проходитъ водораздѣлъ, направленіе котораго, въ средней своей части, вдается къ югу. Этотъ водораздѣлъ сильно разобщаетъ намѣченныя нами части уѣзда, онъ покрытъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, преимущественно еловымъ, почва его болотистая. Мѣстами на водораздѣлѣ за-

дегаютъ большія открытыя болота, проходимыя только для пѣшеходовъ, и то въ извѣстное время года. Самыя большія изъ нихъ называются: Сокольское—къ западу отъ г. Никольска, въ вершинахъ рѣкъ Лундонги и Кипшеньги, и Золотавинское—къ сѣверо-востоку отъ Никольска, въ вершинахъ р. Юга. Дремучіе болотистые лѣса, покрывающіе водораздѣлъ, извѣстны у мѣстныхъ крестьянъ подъ именемъ Сузёма. Черезъ сузёмъ въ предѣлахъ никольскаго уѣзда ведутъ только одиннадцать дорогъ, которыя называются здѣсь волоками; они соединяютъ сѣверную опушку сузёма съ южною или—что тоже—ведутъ изъ двинской системы въ волжскую*). Изъ этихъ одиннадцати волоковъ только два колонизованы, именно—ведущіе изъ д. Подболотья въ село Андреевское и изъ Пермаса въ деревню Андангу; остальные пустынны, не

*) Вотъ перечень этихъ волоковъ: 1) изъ деревни Подболотье на р. Шарженъгѣ въ село Андреевское на рѣкѣ Юзѣ, 2) изъ деревни Ивантица на р. Кипшеньгѣ въ деревню Демино на р. Кемѣ, 3) изъ деревни Карныша на р. Кипшеньгѣ въ дер. Демино, 4) изъ деревни Карныша въ деревню Каино, 5) изъ деревни Карныша въ деревню Баданка на р. Лундонгѣ, 6) изъ деревни Кудонги въ де-

ревню Баданку, 7) изъ деревни Кудонги на д. Родино на р. Межѣ, 8) изъ деревни Ширей до первого починка на р. Пыштюгѣ, 9) изъ деревни Цермаса на р. Югѣ въ д. Анданга на р. Вочь, 10) изъ деревни Кумбисера черезъ болото золотавинское до починка Хайрузово, и 11) изъ Тихонскаго монастыря на р. Вожмѣ на р. Енталу.

смотря на то, что некоторые, какъ, напримѣръ, волокъ на р. Енталу, имѣютъ около 60 верстъ; некоторые дороги проходимы только пѣшходами и тогда называются тропами; а волокъ или тропа на деревню Баданку проходитъ только зимою на лыжахъ.

Со временемъ, подробная этнографическая изслѣдований укажутъ точнѣе, въ какой степени велико разъединяющее влияніе сузѣма на земли, лежащія по ту и другую его сторону; но при бѣгломъ знакомствѣ съ краемъ можно замѣтить разницу между различными частями никольского уѣзда. Вохомскій край представляетъ больше сходства съ вятской губерніей, — это самый хлѣбородный уголъ уѣзда; отсюда зимой тянутся хлѣбные обозы на Никольскую пристань на р. Югѣ, отсюда распространяются на остальные части никольского уѣзда лучшія породы хлѣбныхъ растеній, этотъ край — единственный въ уѣздѣ, гдѣ существуетъ пчеловодство; здѣсь употребляется особая соха, — также, что и въ вятской губерніи, но неизвѣстная въ другихъ частяхъ никольского уѣзда. Населеніе на р. Кемѣ представляетъ сходство съ костромскою губерніей; главный промыселъ здѣсь лѣсной, т. е. рубка лѣса и сплавъ его по р. Унжѣ на Волгу, а также дегтярное производство; въ послѣднее время здѣсь основанъ и древесно-перегонный заводъ. Замѣчательно, между прочимъ, что только въ этой части уѣзда крестьяне употребляютъ крошины, крестьянскій сакъ-войжъ для хлѣба, сдѣланный изъ рѣдкой сѣти, прикрепленной къ круглому берестяному дну; въ другихъ же частяхъ уѣзда крошины замѣняются берестянными кузовами и пестерями. Наконецъ, населеніе по Югу представляетъ переходъ къ устюжскому уѣзду; здѣсь главное производство — лѣнъ *).

Итакъ, большая часть пространства уѣзда занята казенными лѣсами или сузѣмомъ, и колонизація вѣдрѣется въ сузѣмъ только вдоль рѣкъ; вдоль большихъ рѣкъ, какъ, напримѣръ,

*) Ни вохомскаго края, ни кемскаго, я не видалъ и знаю обѣ нихъ только по рассказамъ; въ остальной части, какъ очевидецъ, я знакомъ собственно съ краемъ, лежащимъ на западъ отъ г. Никольска, вдоль рѣки Шаржениги.

Юга, лѣсь расчищенъ больше, на маленькихъ же рѣчкахъ сузѣмъ начинается тотчасъ за краемъ пахатнаго поля. Близъ береговъ рѣкъ сосредоточивается все разнообразіе животной и растительной жизни; здѣсь озера съ рыбой и ракушками, водяная птица, мелкіе звѣрьки и волкъ, въ глубинѣ же сузѣма живутъ только крупная животная — медведь, лось; въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ въ глухи сузѣма водятся еще стада сѣверныхъ оленей.

Лѣсной характеръ страны и отсутствіе частыкъ сношений съ соѣднѣями отражается на образѣ жизни населенія; главные черты этой жизни — малая материальная потребности и почти полное отсутствіе духовныхъ. Крестьяне живутъ здѣсь въ очень большихъ избахъ, въ устройствѣ которыхъ разомъ видно и обиліе лѣса, и отсутствіе развитія торговли: снаружи избы смотрѣть цѣлыми сарайами, и тѣмъ поразительнѣе кажется малая величина оконъ; косынчатыя окна здѣсь рѣдкость; — обыкновенно огромная изба освѣщается тремя — четырьмя полуаршинными оконечками, такъ что въ избѣ бываетъ полутьма. Нѣкоторые приписываютъ это желанію крестьянъ сберечь побольше тенила въ избѣ, другіе же объясняютъ дороживизной стекла. Здѣшняя изба замѣчательна еще тѣмъ, что при постройкѣ ея не употребляется ни одного желѣзного гвоздя — опять вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на желѣзо. Большая часть избъ курныхъ, полъ обыкновенно грязный и моется только два или одинъ разъ въ годъ передъ Пасхой. Мебель въ избѣ состоить только изъ лавки, идущей вдоль стѣнъ, стола и скамейки; отецъ семейства, плетущій лапоть, или загибающій туесъ, располагаясь передъ лавкой, употребляетъ для сидѣнья простой чурбанъ; ни кроватей, ни постелей нѣть, спать на полу на соломѣ; у нѣкоторыхъ изъ соломы сплетены грубые маты, и только у богатыхъ крестьянъ, и то въ послѣднее время, стали входить въ употребленіе постели, набитыя оленымъ воловомъ, и подушки, набитыя болотною пушницей (*eriophorum*).

Относительно одежды прежде всего слѣдуетъ отмѣтить сильный контрастъ между празднич-

ною одеждою и тою, которую носять въ будни; въ праздникъ къ обѣднѣ здѣшніе жители одѣваются довольно нарядно: суконныя шубы на мужчинахъ и женщинахъ, цвѣтныя рубахи и сарафаны, большия платки или шерстяныя шали на головахъ у женщинъ; въ такомъ нарядѣ народъ преобладаетъ надъ сѣрымъ скромнымъ зипуномъ, когда народная толпа стоитъ въ церкви. Но дома, въ избахъ, тѣ же люди ходятъ въ грязномъ и бѣдномъ платьѣ и, сберегая хорошее, сшитое изъ фабричныхъ издѣлій, носятъ самодѣльщину, мужчины — синюю крашенинную рубаху, женщины — синій крашенинныи сарафанъ, а на ногахъ, вмѣсто праздничныхъ сапоговъ — берестяные лапти. Бѣлье моется не болѣе пяти разъ въ годъ, въ томъ числѣ его два раза буваѣтъ, но мыла при мытьѣ употребляется очень мало. Въ баняхъ моются тоже безъ мыла. Въ деревняхъ нѣть ни зеркаль, ни нолотенецъ, утираются какою-нибудь тряпицей, старою рубахой и проч. По этому поводу здѣсь разсказываютъ такой анекдотъ: «Чѣмъ у васъ утираются?» спросилъ одинъ прохожій человѣкъ у крестьянскаго мальчика, умывши лицо. «Отецъ рукавомъ, мама подоломъ, а я и такъ сохну», отвѣчалъ мальчикъ.

Украшенія дѣвушекъ состоятъ изъ нашейниковъ, связанныхъ изъ бисера въ видѣ отложнаго воротничка и надѣваемыхъ на шею, и серегъ, послѣднія — цѣною въ три, въ пять, или въ десять копѣекъ. Часто въ серыги вставляются жировыя железы, вырѣзанныя у дикихъ утокъ: высохнувъ, онѣ сильно «распушаются»; это украшеніе называется пушками: «пушки золотыя ушки», — говорить здѣшнія поговорка.

Но если потребленіе фабричныхъ издѣлій здѣсь такъ незначительно, что они появляются на крестьянахъ только въ праздникъ (исключая платковъ на головахъ женщинъ), за то самодѣльною одеждой здѣшніе крестьяне вообще богаче, сравнительно съ сосѣдями, напримѣръ, съ костромичами. Здѣсь не встрѣчается, какъ въ костромской или нижегородской губерніи, чтобы нѣсколько членовъ семьи имѣли одну шубу; здѣсь у каждого маленькаго ребенка есть

своя шубенка. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ употребленіе фабричныхъ издѣлій не распространено, измѣненія въ костюмѣ здѣсь едва замѣтны. Тѣмъ не менѣе, старики разсказываютъ, что и здѣсь на ихъ вѣку перемѣнилось нѣсколько модъ; такъ, напримѣръ, прежде въ деревняхъ около Никольска женщины носили на головахъ сороки, какія и теперь еще носятъ на Кемѣ; сороки смѣнили шамшуры, а шамшуры, въ настоящее время, смѣняются деришками. Сарафаны не синили въ покупной кубовой краскѣ, а окрашивали въ краснобурый цвѣтъ домашнею краской, которую варили изъ какого-то растенія.

Пища здѣшніхъ крестьянъ отличается, во-первыхъ, преобладаніемъ растительныхъ элементовъ, во-вторыхъ, значительнымъ процентомъ дикихъ произведеній, взятыхъ прямо у природы. Больше половины года, какъ вездѣ въ Россіи, проходитъ здѣсь въ постахъ. Въ это время обѣдъ состоить изъ слѣдующихъ блюдъ: рѣдька съ квасомъ, соленые грузди и волниухи, разведенныя водой или вареные, (такъ называемая грибница), брусника и толокно, подмѣшиваемое, въ видѣ приправы, къ первому и послѣднemu блюду. Если нѣть толокна, подмѣшиваются просто овсяную муку, которая очень горька на вкусъ. Соленые рыжики, вмѣсто груздѣй и волниухъ, составляютъ ужъ изысканность и встрѣчаются, какъ постоянная пища, только у людей зажиточныхъ. У этихъ послѣдніхъ употребляется еще соленая рыба — уха изъ трески или сайды и сельди. Рыба эта привозится изъ Архангельска; вся она приготовляется нечисто и отличается отвратительнымъ запахомъ; сельди лѣтомъ даже загниваютъ и червивѣтъ. Чтобы охарактеризовать областную особенность здѣшней пищи, можно сказать, что въ нее сравнительно больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, входитъ овса и ячменя, очень мало пшеницы, мало жировъ и много брюквы, грибовъ и брусники; нужно замѣтить еще, что здѣшній край служитъ южною границей потребленія бѣломорскихъ рыбъ: трески, сайды, сельдей. Овесъ здѣсь потребляется въ видѣ жидкой кашицы, которую называютъ щами и бѣдятъ простуже-

пою; капусты садять здѣсь мало и не квасятъ ее, а потому не знаютъ настоящихъ щей и єдятъ капусту пареною. Кромѣ щей, изъ овса дѣлаютъ кисель, который варятъ посредствомъ каменыхъ камней, и блины, которые въ насыщку называются колючими, потому что въ блинахъ замѣтнѣе шелуха отъ зерна, которая остается въ здѣшней мукѣ и щекочетъ горло при глотаніи. Изъ ячменя, кромѣ каши, дѣлаютъ хлѣбъ и пироги. Вообще, можно принять, что ржи здѣсь потребляется въ пищу 57% изъ всей массы зерноваго хлѣба, овса 23%, гороху и ячменю по 8% и пшеницы по 4%. Пшеничный хлѣбъ для здѣшнихъ крестьянъ такой же дорогой и чужеземный продуктъ, какъ въ другихъ мѣстахъ рисъ; кутью здѣшніе крестьяне дѣлаютъ изъ размоченныхъ базарныхъ кренделей. Изъ овощей нужно упомянуть галанку или галаху (брюкву), которая въ большомъ количествѣ съѣдается, или сырая, или пареная. Огурцы здѣсь совсѣмъ неизвѣстны; ихъ покупаютъ только городскіе жители, а крестьяне находятъ ихъ совсѣмъ не вкусными. Грузди составляютъ значительный процентъ въ здѣшней крестьянской пищѣ, нѣкоторыя семейства насаливаютъ ихъ на одну зиму до 20 ведеръ. Брусника составляетъ непремѣнное заключеніе каждого постнаго обѣда, ея у никольскихъ мѣщанъ на двухъ человѣкъ выходитъ 1½ ведра, у крестьянъ же гораздо болѣе. Въ скромные дни употребляется мясо и кислое молоко (то есть, кислый творогъ). Постній приготовляется такъ: творогъ, свернутый изъ молока посредствомъ нагрѣванія, сваливаютъ ежедневно въ одну кадь, гдѣ онъ накопляется и закисаетъ. Мяса употребляется сравнительно мало, но за то здѣсь чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, на столѣ крестьянина является лягушка, то есть, дичь: зайцы, утки, тетерви, рябчики. Приправы, кромѣ перца и лука, неизвѣстны, уксусъ—также. Чай пьютъ богатые по воскресеньямъ. Кромѣ ягодъ и грибовъ, изъ дикихъ растительныхъ продуктовъ слѣдуетъ упомянуть пистики (хвошъ, eguisetum) и сосновый сокъ, то есть, молодой весенний сосновый лубъ. Пистики єдятъ только дѣти; они

каждую весну отправляются на ржаное поле разсыпаются по немъ и ищутъ только что выступившія головки хвоша, напѣвая: «Пистикъ, пистикъ, выяви головку къ намъ на дорожку!» Когда бываетъ урожай пистиковъ, дѣти возвращаются домой съ полными платками. Пистики пойдаются сырьи, по иногда изъ нихъ дѣлаютъ пироги; въ бѣдныхъ семействахъ, въ городѣ Тотъмѣ, матери иногда въ теченіи цѣлыхъ семи дней, пока пистики не застарѣли, пекутъ дѣтей ничѣмъ другимъ, кромѣ пистиковъ. Сокъ сочить ходятъ въ лѣсъ не только дѣти, но и взрослые; это обыкновенно бываетъ лишь разъ въ годъ, весной; тогда изъ деревень и изъ города Никольска выходятъ партіи сочильщиковъ и сочильщицъ, какъ осенью—партіи за грибами; тутъ можно встрѣтить и дѣвочку лѣтъ 10 съ большимъ топоромъ, заткнутымъ сзади за поясомъ, и никольскую купчиху, и гимназиста. Сокомъ называются длинныя ленты луба, который сдираютъ съ молодыхъ сосенъ; для этого сосенку срубаютъ въ комлѣ и снимаются съ нея верхнюю кору, затѣмъ срѣзываютъ слой луба длинными полосами, который складываются въ туесъ. Весь этотъ процессъ описывается въ мѣстной загадкѣ: «Взлѣзу на горушку, обдеру телушку, кожу сброшу, сальце сѣмъ!» Сокъ не всегда бываетъ одинаково сладокъ, въ сухіе годы онъ смолистъ и горекъ, въ мокрые водянистъ и сахаристъ..

Нельзя обойти молчаниемъ еще одну особенность этихъ жителей сузѣма; сузѣмъ можно назвать отечествомъ пива, справлѣніе праздниковъ и свадебъ здѣсь замѣтно отличается отъ костромскаго обыкновенія; въ костромской губерніи къ свадѣбѣ готовится не болѣе 20 ведеръ пива, здѣсь варятъ его по 200 ведеръ, за то менѣе прикупаютъ къ нему водки. Какъ во всѣхъ пивныхъ странахъ, праздники здѣсь проходятъ мирно, безъ шума и дракъ. Кромѣ свадебъ и отдѣльныхъ случаевъ, когда пиво варить одна семья, здѣсь въ обыкновеніи варить пиво складчиной изъ нѣсколькихъ хозяевъ, даже цѣлою деревней, или, наконецъ, цѣлымъ приходомъ. Каждый приходъ имѣеть два храмовыхъ праздника, зимой и лѣтомъ; въ оба

праздника весь приходъ одновременно варить пиво и это называется «братчиной» (въ тѣ лѣтніе праздники, которые приходятся во время полевыхъ работъ, пива не варятъ). Такимъ образомъ, Лоха (жители по р. Лохѣ) варить лѣтнее пиво въ Покровъ, а зимнее въ Введеніе, Кипишенъга — зимнее въ Рождество, лѣтнее въ Троицу, Ляменъга — зимнее въ Николу. Пиво здѣшніе крестьяне варятъ изъ ржи въ особыхъ поварняхъ; мѣстами есть артельные котлы, а гдѣ нѣтъ артельныхъ, тамъ владѣлецъ котла не отказываетъ въ немъ своимъ соѣдямъ: очень часто встречаются въ деревняхъ большія деревянныя братины для наливанья пива, сдѣланныя изъ цѣльнаго куска древеснаго корня.

II.

Скажемъ нѣсколько словъ и о духовной культурѣ жителей сузѣма. Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ сейчасъ описанныхъ условій вѣнчанаго быта, никольскій крестьянинъ владѣеть едва зародышами образованности. Никольскій уѣздъ, если и не самый безграмотный въ Россіи, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ самыхъ безграмотныхъ. При первомъ же знакомствѣ съ нимъ, вы замѣчаете, что имѣете дѣло съ людьми, у которыхъ примитивные нравы и понятія, вы чувствуете себя, какъ будто въ странѣ, которая только что оставила звѣроловство и язычество; христіанскія идеи здѣсь не такъ глубоко проникли въ массу, какъ это замѣчается въ тѣхъ русскихъ областяхъ, которые раньше другихъ приняли ученіе Христово и которые еще до принятія христіанства, можетъ быть, въ продолженіе многихъ вѣковъ, имѣли постоянныя сношенія съ народами христіанскими; рѣдко услышите вы здѣсь христіанскую легенду, зато демонологъ соберетъ обильную жатву. Здѣсь пишутъ на лоскуткахъ бересты прошенія лѣшимъ и приколачиваютъ ихъ въ лѣсу; такія прошенія пишутся, если у кого потеряется лошадь и если подозрѣваютъ въ конокрадствѣ самого лѣшаго; при томъ не всякій грамотный человѣкъ считается мастеромъ писать подобныя прошенія; нужно, чтобы лѣшему было ди-

пломатично замѣчено, что онъ виновникъ пропажи, а не сказано прямо, что его подозрѣваютъ въ воровствѣ, — иначе онъ можетъ обидѣться. Здѣсь легко встрѣтиться съ человѣкомъ, видѣвшимъ негоднаго, или съ колдуномъ, или даже съ потомкомъ негоднаго, потому что послѣдніе живутъ съ женщинами. Бываютъ крестьяне, друзья лѣшаго, которые цѣлыми ночами просиживаютъ вдвоемъ съ нимъ за пивомъ. Колдуны, по здѣшнему опасны, встрѣчаются здѣсь чуть не въ каждой деревнѣ; они не скрываются и пользуются большимъ почетомъ, какъ шаманы у дикарей; во время свадебнаго пира ихъ сажаютъ на самое почетное мѣсто — въ передній уголъ, такъ что женихъ и невѣста занимаютъ уже второе.

Безпомощность безграмотнаго народа обнаруживается здѣсь на каждомъ шагу. Плотники и артельщики не могутъ раздѣлить между собою рабочей платы и приглашаютъ для того грамотея, которому покупаютъ водки. Сѣнокосы дѣлятъ шестомъ, обрѣзая его до тѣхъ поръ, пока онъ не уляжется вдоль пожни, сколько разъ требуется. Случается, что шѣстикъ уже очень много обрѣзали, тогда его бросаютъ и вырубаютъ новый: и съ тѣмъ такая же история, пока не получать шѣстикъ надлежащей длины, то есть, такой, который укладывается по сѣнокосу именно столько разъ, на сколько душъ слѣдуетъ его раздѣлить. Былъ когда-то въ одной деревнѣ кузнецъ, который умѣлъ, только разъ прошедши шестомъ сѣнокосъ, сразу отрѣзать отъ шеста столько, сколько нужно; но тайну эту геній-кузнецъ унесъ съ собою въ могилу. Отсутствіе мѣръ — одна изъ характеристическихъ чертъ здѣшняго населенія: о десятинахъ здѣсь не имѣютъ понятія; изъ мѣръ площади называются иногда гонъ, но что это такое? трудно добиться — одинъ крестьянинъ вамъ объяснитъ, что это разстояніе «вотъ отсюда до того забора»; другой скажетъ, что это значитъ «столько, сколько съ сохой пройдешь». Величиной времени служить упоминанія, который тоже мѣра очень неопределенная, основанная на чувствѣ утомленія отъ работы. Сажень, вершокъ, мѣры хотя и извѣстныя, но слишкомъ

абстрактныя для здѣшнаго крестьянина; для определенія толщины и высоты онъ охотнѣе употребляетъ конкретныя мѣры—такъ, при вопросѣ о толщинѣ какого-нибудь ствола, онъ ищетъ глазами въ комнатѣ какую-нибудь цилиндрическую подходящую форму и говоритъ: «вотъ въ эту мѣть». Снѣгъ у него ложится на землю не на вершки, а «въ воробья», «въ сидячу курицу», «въ сидячу собаку».

До какой степени здѣшніе жители имѣютъ темное понятіе о значеніи письменныхъ знаковъ, свидѣтельствуетъ то, что даже въ городахъ иногда должники вручаютъ своимъ заемодавцамъ, вместо залога рублей за 50 и болѣе, планъ на домъ, выданный изъ губернской чертежной; планъ этотъ стоитъ всего 1 р. 50 к.; очевидно, простодушныиедолжникисуевѣрно отожествляютъ судьбу плана и дома, подобно тому, какъ дикии вѣрятъ въ связь между портретомъ и подлинникомъ.

Въ Никольскѣ я былъ знакомъ съ двумя семействами малороссовъ, сосланными сюда изъ харьковской губерніи. Это знакомство дало мнѣ случай сравнить жителей сузѣма съ жителями отдаленнаго юга; я воспользуюсь здѣсь этимъ сравненіемъ, чтобы лучше оттѣнить особенности здѣшнаго населенія. Малороссовъ больше всего поражало трудолюбіе здѣшнихъ жителей; они смотрѣли не съуваженіемъ на эту черту, а съожалѣніемъ, считая здѣшнихъ крестьянъ за несчастныхъ людей, которые живутъ въ такой бѣдной странѣ, гдѣ земледѣлецъ долженъ «назмѣтъ» свою землю, гдѣ каждую пядь новой земли нужно расчищать изъ-подъ лѣсу. Сколько трудовъ, которыхъ не знаютъ земледѣльцы юга, сколько навозной грязи и сажи, въ которыхъ крестьянинъ долженъ выпачкаться при возкѣ навоза и при «катали валковъ!» И при всемъ томъ земля вознаграждаетъ земледѣльца очень скучно: нѣть фруктовъ, пшеница черная, хлѣбъ пекутъ ячменный, сѣнокосъ безтравный, изба большая, но потолокъ покрытъ сажей, а полъ толстымъ слоемъ грязи; платье пропитано дымомъ и запятнано навозомъ; руки обожжены; грязь и сажа вѣились въ трещины и складки кожи. Малороссовъ удивляло неуваженіе здѣш-

нихъ жителей къ праздникамъ; они считали ихъ мало набожными за то, что тѣ работали иногда въ воскресенья, торопясь убрать овошь; здѣшній предразсудокъ, что рожь только тогда и родится хорошо, если посѣять ее хоть одну горсть, хотя подъ вечеръ въ праздникъ, казался имъ самымъ дерзкимъ оскорблениемъ религіи. Однажды, проходя черезъ деревню, мы увидѣли старушку, шедшую черезъ улицу; она пересѣкла дорогу бѣхавшему по улицѣ возу, шагахъ въ 30 или 40 впереди его. По мнѣнію малороссовъ, она сдѣлала очень дурно; она должна была подождать, пока не проѣдутъ люди, будь тутъ хоть цѣлый обозъ. Такая традиція времени на пустые обряды не мыслима на сѣверѣ, гдѣ требуется усиленный и спѣшный трудъ, потому что лѣто коротко. Народъ сузѣма, въ сравненіи съ этими жителями юга, казался мнѣ болѣе энергичнымъ, болѣе трудолюбивымъ и гораздо бѣднѣе обрядами, увеселеніями и играми. Сравнивая малороссовъ съ мѣстными жителями, видно было, что первые—уроженцы страны, которая давно приняла христіанство и вообще находилась вблизи древней цивилизациі. Мои знакомые были неграмотны, и тѣмъ не менѣе отецъ передавалъ своимъ дѣтямъ много легендъ о Дѣвѣ Маріи, о Ноѣ, о Іосифѣ и т. под., о чёмъ жители сузѣма не имѣютъ никакого понятія. Малороссы не употребляли площадной браны въ присутствіи своей дочери, тогда какъ у никольскихъ жителей подобную брань можно услышать изъ устъ дѣтей, потому что отцы и взрослые братья употребляютъ ее, не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ, или дѣтей. Про дѣвицъ они говорятъ: «у дѣвицъ уши заткнуты серебромъ», то есть, серыгами. Я встрѣчалъ здѣсь семилѣтнихъ дѣтей, которые уже были въ состояніи рассказывать скверные анекдоты и ругать отцевъ и матерей нескромною бранью; дѣти малороссовъ, которыхъ я зналъ, были, напротивъ, воспитаны нравственно и стыдливо. Здѣшнія дѣти воспитываются иначе, или, лучше сказать, здѣсь нѣть никакого воспитанія. Они воспитываются жизнью, въ обществѣ большихъ. Ничто отъ нихъ не скрывается: ни слова, ни дѣла, ни страсти. Поэтому они скоро все знаютъ, рано становятся

серъезными. Со старшими они держатся на равной ногѣ, и старшіе относятся къ нимъ съ меньшою супростостью, чѣмъ это замѣчается въ областяхъ къ югу отъ сузѣма. Здѣсь я не замѣчалъ того отцовскаго деспотизма, какой существуетъ въ другихъ великорусскихъ краяхъ, въ особенности, гдѣ сохранился родовой бытъ, и семы живутъ, не дѣлясь. Мы разсказывали объ одной семье въ ярославской губерніи, которая состояла изъ 30 взрослыхъ членовъ и 30 малолѣтнихъ и жила подъ деспотическимъ управлениемъ сто-двадцатилѣтняго дѣда. Вся семья помѣщалась въ одномъ деревянномъ домѣ; сыновья занимались торговлей подъ строгимъ контролемъ главы семьи; сынъ не смѣлъ купить своей женѣ даже пряника; онъ докладывалъ о своемъ желаніи отцу, и тотъ покупалъ разомъ для всѣхъ снохъ ситцу или платковъ непремѣнно одинаковой цѣнности. Обѣдали въ три стола: первый столъ—мужики, второй—бабы, третій—дѣти. Старикъ обѣдалъ съ дѣтьми и садился въ концѣ стола съ плетью въ рукѣ; шалунъ и послушникъ тутъ же получалъ воздаяніе. Конечно, при такомъ воспитаніи дѣти должны очень поздно развиваться; мужчина лѣтъ тридцати, женатый, имѣющій дѣтей, при такихъ порядкахъ знаетъ только отвезти проданый отцемъ хлѣбъ по назначенію и вообще исполнять только приказанія, не имѣя права ни располагать работы по своему усмотрѣнію, ни распорядиться имуществомъ. Такое деспотическое воспитаніе оставило по себѣ память въ народномъ названіи растенія дѣдовникъ (*cirsium*), которое своими колючками кровавитъ руки жнецовъ и которое также называется татарникомъ, мордовникомъ и царь-травой.

Въ никольскомъ уѣздѣ, какъ я сказалъ уже, я не замѣтилъ такого отцовскаго деспотизма; напротивъ, здѣшніе отцы съ большою нѣжностью относились къ своимъ дѣтямъ, чѣмъ знакомые мнѣ малороссы, которые держали своихъ дѣтей въ страхѣ; я видѣлъ даже, какъ одинъ изъ этихъ пришельцевъ ударилъ своего трехлѣтняго сына розгой по головѣ; вообще дѣти этихъ малороссовъ были скромны и пугливы.

Въ сузѣмъ уже дѣти очень рано пользуются самостоятельностью, блуждаютъ по цѣлымъ днямъ въ лѣсу, вмѣшиваются въ разговоры большихъ, и въ обращеніи ихъ со старшими совсѣмъ неѣтъ признаковъ подчиненности. Часто мнѣ случалось быть свидѣтелемъ, какъ десятилѣтнія дѣти подшучивали надъ взрослымъ, острили по поводу его уличного имени, и тотъ нисколько не обижался этимъ. Во время карточныхъ игръ на игрицахъ, дѣти присутствуютъ тутъ же, пристраиваются къ играющимъ и иногда даже участвуютъ въ игрѣ; пляска даже начинается нерѣдко мальчикомъ лѣтъ десяти, къ которому присоединяются потомъ болѣе и болѣе взрослые, пока, наконецъ, въ составъ пляски не войдутъ всѣ присутствующіе. Такъ какъ семья здѣсь смотритъ на ребенка, какъ на работника и рано начинаетъ эксплуатировать его, то и ребенокъ начинаетъ рано цѣнить свой трудъ и предъявлять свое право на участіе въ распоряженіи имуществомъ. Здѣсь бываетъ скupка тряпья для писчебумажныхъ фабрикъ; тряпье покупается нынѣ по 2 коп. за фунтъ и отправляется въ Макарьевъ на Унжѣ; сдаются его бабы, но чаще ребята,—парень собираетъ тряпье по своему дому, не спрашивалъ никого, и бѣжитъ къ скupщику; родители видѣть это, но не возражаютъ, говоря: «надо же ему на что нибудь купить пряниковъ».

Игры дѣтскія здѣсь не представляютъ того разнообразія, какъ на югѣ или востокѣ европейской Россіи. У десятилѣтнихъ дѣтей я нашелъ игры въ лапту, въ шаръ, въ бабки и вычигиванье (выбиванье изъ круга) чиж а. Въ играхъ въ лапту и шаръ принимаютъ участіе и взрослые парни; въ праздники, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, на какой-нибудь опредѣленной площадкѣ подлѣ деревни, происходить игра, въ которой участвуетъ все молодое поколѣніе деревни. И въ самомъ дѣлѣ, игры здѣшніхъ дѣтей скорѣе игры юношескія, имѣющія цѣлью развить вѣрность глаза и силу руки. Замѣчательна въ этомъ отношеніи игра въ шаръ; деревянный шаръ бросается вверхъ, и играющіе попадаютъ въ него въ лѣтъ палкой. Мы говорили, что здѣшніе охотники-бѣлковщики пользуются

зуются иногда пріобрѣтаемыи въ этой игрѣ искусствомъ и убиваютъ бѣлку, бросая въ нее палкой въ то время, когда она перепрыгиваетъ съ одного дерева на другое. Это называется бить бѣлку «рукомашнымъ» способомъ.

Вообще, мнѣ кажется, что здѣсь въ сузѣмъ значеніе человѣку придается единственно трудъ; другія же качества, какъ, напримѣръ, старость и сопряженный съ нею опытъ, здѣсь не имѣютъ того значенія, какимъ они пользуются въ другихъ мѣстахъ. Какъ только ребенокъ начинаетъ трудиться, онъ уже превращается въ равноправнаго члена семьи; старики или старухи, потерявши сили и не работающіе уже наравнѣ съ другими, теряютъ свое первенствующее значеніе и обращаются въ простыхъ «казаковъ» и «казачихъ». Какъ только старики начинаютъ слабѣть силами, онъ уже не большакъ; большакомъ становится его сынъ, сынъ распоряжается домомъ, въ его рукахъ находятся деньги, онъ назначаетъ отцу дневную работу. Мнѣ случалось заставлять въ избѣ одного старика безъ большаковъ и просить поставить самоваръ; и этого старики не смѣль сдѣлать, боясь, чтобы не осердились большаки.

— «Какъ же такъ, дѣдъ?» — спрашивалъ я такого домовника, — «вѣдь ты хозяинъ дома?»

— «Не я большакъ-отъ!» — отвѣчалъ онъ, растягивая конецъ.

— «Да хоть и не большакъ, но вѣдь домъ-то ты строилъ?»

— «Изъ годовъ-то я вѣдь вышелъ. Не работникъ ужъ я. Ужъ меня не слушаются».

«Сядутъ пить чай», — рассказывалъ мнѣ одинъ такой развѣнчанный большакъ про свою нисходящую линію, — «и пригласятъ — напиешься, а не пригласятъ — и такъ просидишь, только посмотриши! Скажешь что-нибудь, — тебя не спрашиваютъ, — отвѣчаютъ. Досадно, да ужъ молчишь!»

Обращаются здѣсь со стариками безцеремонно, даже обидно иногда; при мнѣ однажды отецъ-старики и его сынъ-большакъ стали куда-то одѣваться; сынъ подалъ отцу худую опояску, а себѣ оставилъ хорошую.

— «Не надо мнѣ эту», — сказалъ отецъ тихо, отодвигая опояску.

— «Все бы женихомъ одѣвался! Ну, на!» — сказалъ сынъ отцу и бросилъ ему съ сердцемъ другую опояску.

Положеніе старииковъ въ здѣшней общинѣ не завидное. Въ деревнѣ Зеленцовѣ есть одинъ старики, который, овдовѣвъ, остался съ сыномъ и двумя дочерьми; сначала старики жилъ у сына; работать онъ не могъ, и потому въ страду сынъ и хлѣба не оставлялъ ему, когда уходилъ съ женою въ поле. Старики принужденъ былъ уйтти отъ сына и бросить домъ, въ которомъ самъ родилъся, или который самъ, можетъ быть, строилъ; одна дочь тоже ушла въ казачихи, другая жила у брата изъ-за хлѣба. Вообще домъ не даетъ здѣсь отцу никакого вѣса; — онъ не составляетъ его собственности, потому что строится помочью, сосѣдями, бесплатно; поэтому домъ въ деревнѣ — скорѣе общинное имущество, чѣмъ частное, и во время дѣлежа достаются всегда младшимъ сыновьямъ, по обычаю, слѣдовательно — помимо воли отца. Собственностью здѣсь признается только то, что пріобрѣтено трудомъ, и такая собственность уважается и вопреки писаному закону; я зналъ въ Никольскѣ одного домовладѣльца, которому по новой распланировкѣ достался участокъ земли съ колодцемъ, вырытымъсосѣдомъ, прежнимъ владѣльцемъ участка. Новый владѣлецъ обнесъ свою землю заборомъ, но изъ уваженія къ мѣстнымъ обычаямъ долженъ былъ оставить въ немъ проходъ длясосѣда, и вообще колодезь остался въ полномъ пользованіи послѣдняго, какъ было до распланировки.

Такія отношенія между возрастами составляютъ противоположность съ тѣми, какія существуютъ на югѣ, напримѣръ, въ уральскомъ и донскомъ войскахъ, гдѣ міръ образуется изъ старииковъ: изъ нихъ составляется голосъ народа, они являются при случаѣ съ протестомъ за общество, неся передъ начальство прошенія на своихъ головахъ, и идуть иногда въ ссылку, если интересы ихъ общины противорѣчатъ интересамъ общегосударственнымъ. Можно сказать, что на югѣ ценѣтъ нервный, а здѣсь — му-

скульный. Можетъ быть, и здѣшніе порядки имѣютъ свою хорошую сторону, во первыхъ, потому что представительство на сходкахъ принадлежитъ самому труду, а во вторыхъ, община менѣе упорна въ старыхъ обычаяхъ и податливѣе на нововведенія.

Еще печальнѣе въ здѣшнемъ краѣ положеніе старухъ. Старухи раньше отстаютъ отъ сѣнокоса, чѣмъ отъ жатвы; я видѣлъ старухъ, которыхъ уже по 16 лѣтъ не ходятъ косить, но все еще жнутъ, если у большаковъ нѣтъ дѣтей; я видѣлъ старуху 70 лѣтъ, которая жала до поздняго вечера. «Стыдно будетъ безъ работы», — отвѣчала мнѣ она, когда я высказалъ ей свое удивленіе. «Сидиши дома, ничего не дѣлаешь, — скажутъ большаки. Дѣтей въ домѣ у насъ нѣтъ, нянчить некого».

Дѣти, то есть, внучата — это счастье для здѣшнихъ старухъ; гдѣ есть они, тамъ и житье старухъ спосное, потому что безъ нея пришлось бы нанимать пестунью. Одѣваются старики и старухи при помощи своихъ дочерей; сыновья же и ихъ жены ихъ не одѣваютъ. Старуха прядеть, дочь ткетъ, а старики «катить валки», то есть, приготавляетъ лынище. Если старуха овдовѣетъ, выдастъ послѣднюю дочь за мужъ и останется одна, она должна пробавляться старымъ лыномъ и старымъ холстомъ. Ни выданная дочь, ни сноха, съ которою въ одномъ домѣ живетъ старуха, не одѣваютъ ее; подъ старость старухи копятъ ленъ и холстъ, какъ невѣсты къ свадѣбѣ.

Положеніе женщины здѣсь, какъ и везде, въ чисто земледѣльческихъ странахъ, незавидное; на женщину смотрятъ только, какъ на работницу; когда женятъ сына, говорятъ: «нажиль казачиху». Здѣшняя женщина участвуетъ въ полевыхъ работахъ; она косить и жнетъ, но не пашетъ; только дѣвицы боронятъ; какъ частое исключеніе, однакожъ, встречаются вдовы, которыхъ пашутъ. Въ сельскихъ работахъ здѣшняя женщина мало уступаетъ мужчинѣ, и встрѣчаются такія вдовы, которые берутъ надѣль и сами оплачиваютъ государственные подати. Рабочая плата, однако, повсемѣстно для женщины менѣе. Казакъ въ Никольскѣ получаетъ за лѣто

отъ 30 до 15 р. и хозяйственную обувь и одежду, а казачиха только 10 р. безъ одежды. Мужская поденница стоитъ 40 к. въ день, женская — 30 к. Положеніе женщины въ сосѣднемъ краѣ — въ бѣломорскомъ прибрежье, говорятъ, лучше; это, можетъ быть, потому, что здѣсь жена недѣлить занятія мужа, а имѣеть свои особыя занятія; освобожденная отъ участія въ однихъ работахъ съ мужемъ, она имѣеть досугъ, вводить въ домѣ чистоплотность, устраиваетъ горницу съ цветами, обшиваетъ мужа пестрядинными рубахами и снабжаетъ его носовыми платками; она усложняетъ кухню, словомъ — становится специалисткой, мастерницей. Мужчина исподволь привыкаетъ къ комфорту и начинаетъ въ женщины цѣнить именно способность создавать комфортъ. Тогда женщина приобрѣтаетъ вѣсъ въ семье, роль ея становится воспитательною, и въ ней возрастаѣтъ чувство собственаго достоинства; мужчина уважаетъ ея специальные знанія, въ которыхъ онъ, конечно, не можетъ съ нею соперничать.

Не то въ никольскомъ уѣздѣ, гдѣ женщина — простой кашеварь, умѣющій только натереть рѣдкіи да наболтать въ квасъ толокна или сварить самую безхитростную уху изъ трески, то есть, такія блюда, которыя сплошь и рядомъ варятъ сами мужики, когда соединяются въ рабочія артели на пристаняхъ и т. под., — гдѣ платье ея состоить изъ одного грязнаго сарафана, гдѣ она живетъ въ одной избѣ съ свиньями. Здѣсь она просто работница, а не совѣтница; здѣсь трудъ ея не отличается отъ мужскаго, рядомъ съ мужчиной она косить, катастъ валки и варить нисколько не искуснѣе мужа; платье ея отличается отъ мужскаго только въ головномъ уборѣ, словомъ — здѣсь она «полумужичье» и не отличается особымъ домашнимъ обиходомъ; здѣсь она должна соперничать съ мужчиной въ физическомъ труда; а такъ какъ мускульныя ея силы, во всякомъ случаѣ, слабѣ, чѣмъ у мужчины, то послѣдній ясно сознаетъ, что накопленіе капитала производится больше имъ, чѣмъ его женой, и онъ смотритъ на нее, какъ на рабу.

Приданое здѣсь состоить только въ бѣльѣ и

платье, какое невѣста въ состояніи будетъ накопить до своей свадьбы; обыкновенно оно состоитъ изъ двухъ шубъ—«носящей» и новой, двухъ камзоловъ—«носящаго» и новаго, и до шести сарафановъ. Посуды не дается никакой, а равно и денегъ не бываетъ въ числѣ приданаго. Въ Тотъмѣ у мѣщанъ даютъ приданаго до 40 и 45 р., которые издерживаются на справленіе свадьбы; но Тотъма—городъ уже ремесленный; тамъ же, гдѣ жители состоятъ изъ однихъ крестьянъ, этого обычая нѣтъ.

Увеселенія здѣшней крестьянской молодежи рѣдки и неразнообразны. Зимой дѣвицы собираются на бесѣдки и игрища; бесѣдки бываютъ ежедневно по вечерамъ, съ послѣднихъ чиселъ сентября—съ шитьемъ; съ третьей недѣли филиппова поста до второй недѣли великаго поста—съ пряжей. Это самыя обыкновенныя собрища, такъ что здѣшнія женщины, уходя изъ чужаго дома, прощаются обыкновенно словами: «къ намъ на бесѣдки». Для бесѣдки всѣ молодые люди деревни собираются въ одну избу; для этой цѣли избы, въ которыхъ есть дѣвицы, чередуются между собою понедѣльно; въ другихъ мѣстахъ нанимается постоянная изба; около Никольска бабы собираются въ отдѣльныи бесѣдки.

Здѣсь существуетъ обычай привозить къ себѣ во время мясопѣдовъ гостю; отецъ, у которого есть дочери, привозить къ себѣ дѣвицу, конечно—родственницу, изъ чужой деревни, иногда верстъ за 30 и болѣе; дѣвицы эти гостятъ по недѣлѣ и по двѣ; во все это время гостья придетъ на себя, а вечеромъ ходитъ на бесѣдки вмѣстѣ съ хозяйствкою дочерью. Для дѣвицы это родъ отдыха отъ домашнихъ работъ и въ это время она дѣлаетъ самый большой заработокъ для себя. Родные дѣвушки считаютъ приглашеніе ея въ гости за почетъ, оказанный цѣлой семье, и въ слѣдующій мясопѣдъ отплачиваютъ за него, приглашая сами дѣвицу изъ того дома, въ которомъ гостила ихъ дочь.

На бесѣдкахъ дѣвицы прядутъ и поютъ пѣсни, но плясокъ не бываетъ; сидятъ далеко за полночь, когда вся остальная деревня давно спитъ. Кромѣ бесѣдокъ, бываютъ игрища, но только разъ въ годъ, на Рождество и святкахъ;

т. III. 76.

для этого дѣвицы съѣзжаются верстъ за 40 въ одну деревню; при этомъ деревни чередуются: одинъ годъ съѣзда дѣвицъ бываетъ въ одну деревню, на другой—въ другую. На игрищѣ не работаютъ, а только пляшутъ съ молодцами. Въ городѣ Тотъмѣ игрищѣ не бываетъ, а вмѣсто нихъ бываютъ вечерки; въ какой-нибудь праздникъ мать-мѣщанка, желая потешить дочь, пустить къ себѣ вечерку; входъ доступенъ для всячаго, кто ни захочѣлъ бы войти; хозяйка только жжетъ свою свѣчку, дѣвицы и парни пляшутъ подъ пѣніе.

Самые обыкновенные танцы въ Тотъмѣ и Никольскѣ— французская кадриль, «заинька», «большой пѣтухъ», «чижикъ», «Груша», «ивушка» или «осьмерка» и т. п. Французская кадриль здѣсь очень обыкновенный танецъ не только въ городахъ у мѣщанъ, но и въ ближайшихъ къ городу деревняхъ; лѣтомъ ее танцуютъ здѣсь подъ открытымъ небомъ во время хороводовъ. «Заинька»—это *polka tremblante*, немного искаженная. Остальные танцы, скорѣе хороводы, забравшіеся въ избу, и различаются только пѣснями, подъ которыя пляшутся; исключение составляетъ «осьмерка», которую, вѣроятно, древніе колонизаторы Сибири изъ здѣшняго края занесли туда и распространили до Алтая и Камчатки. Распространеніе французской кадрили объясняется составомъ мѣстнаго общества; верхній классъ здѣсь состоитъ изъ лицъ, вышедшихъ изъ простаго народа; это—купцы или чиновники, имѣющіе въ средѣ простонародья своихъ родственниковъ. Той рѣзкой разницы, какая существуетъ въ другихъ мѣстахъ государства между верхнимъ и низшимъ слоями общества, которые получаютъ свое образованіе въ отдѣльныхъ сословныхъ школахъ, здѣсь нѣтъ; съ одной стороны, богатый купецъ или чиновникъ мало отличается въ образѣ жизни отъ людей изъ простаго народа, и за столомъ первого богача вы здѣсь встрѣчаете тѣ же ячменные пироги и наливочки, какъ и въ крестьянской избѣ; дѣти его завтракаютъ тѣмъ же примитивнымъ блюдомъ—«повалихой», состоящею изъ горячаго тѣста, изъ котораго дѣти катаютъ сами на столѣ скалочки толщиной въ палецъ и

е

мечутъ ихъ въ растопленное масло, какъ и деревенскія дѣти; съ другой стороны, все, что усвоиваетъ этотъ выдающійся изъ народа классъ въ столицахъ, большихъ городахъ и на ярмаркахъ, быстро и легко передается въ народъ.

То же самое замѣчается и въ пѣсняхъ; въ подгородныхъ деревняхъ около Никольска поютъ много цыганскихъ пѣсенъ, и можно услышать въ искаженной редакціи даже «Хуторокъ» Кольцова. Музыку здѣсь очень любятъ, но единственный почти инструментъ — гармонія; здѣсь почти у каждого парня есть гармонія, а у нѣкоторыхъ бываетъ и по двѣ. Съ гармоніей парни ходятъ даже на работу и часто, во время жатвы, присѣвши отдохнуть, они берутся за гармоніи и наигрываютъ. Въ деревняхъ есть мастера, почиливающіе гармоніи и это занятіе довольно выгодное; на немъ зарабатываютъ рублей 20 въ мѣсяцъ.

Къ числу чертъ, характеризующихъ здѣшнее населеніе, слѣдуетъ отнести страсть къ картежной игрѣ. Старики не помнятъ, когда карты вошли въ употребленіе въ краѣ. Мѣстные жители сами рассказываютъ о себѣ такой анекдотъ: двое мѣстныхъ картежниковъ сыграли такую партію: — «Я милю твой трёшникъ, ставлю подъ тебя овечку». «А я смириль твою овечку, ставлю жену на годъ» (т. е. отдаю въ работницы). — «Ну, такъ я милю твою жену, ставлю корову». Анекдотъ долженъ выразить, что здѣшние картежники способны проигрывать женъ, которыхъ цѣнятъ дешевле коровы. Въ карты играютъ здѣсь каждое воскресеніе и расплачиваются деньгами; разъ въ году, во время святочъ, когда у дѣвицъ бываютъ игрища, вмѣсто денегъ, употребляются лодыжки, и шесть паръ лодыжекъ продаются по 1 коп.; эти закончѣлія косточки хранятся отъ святочъ до святочъ и, переходя отъ игрока къ игроку, существуютъ лѣтъ по пятнадцати. Игра на лодыжки выгодна тѣмъ, что проигрышъ бываетъ не великъ. Если играютъ по лодыжкѣ, то проигрываютъ въ почь не болѣе трехъ копѣекъ, тогда какъ, играя на деньги, пришлось бы при равныхъ шансахъ успѣхъ проиграть около 36 к.

III.

При такомъ составѣ населенія, гдѣ всѣ классы состоятъ въ тѣсной и, частію, родственной связи между собою, самый городъ Никольскъ мало чѣмъ отличается отъ деревни. Въ немъ считается 1700 ж. обоего пола; весь городъ состоитъ изъ деревянныхъ домовъ; единственное каменное зданіе занято присутственными мѣстами; въ городѣ двѣ церкви, обѣ каменные; одна кладбищенская, другая — соборъ. Если прибавить къ этому рядъ деревянныхъ лавокъ, почтовую контору, острогъ, пожарную команду и частную аптеку, то вотъ и все, чѣмъ отличается Никольскъ отъ простой деревни. Первенствующее сословіе въ городѣ купцы; первенство это основано, впрочемъ, не на большей образованности, а на деньгахъ; поэтому все, что они вносятъ въ мѣстную жизнь, касается только виѣшней обстановки, а не мѣра идей, потому что образованіе, или лучше сказать, обученіе ихъ ограничивается только чтеніемъ, письмомъ и умѣніемъ считать на счетахъ. Еще менѣе образованы ихъ жены; ихъ значеніе ограничивается внесеніемъ новыхъ модъ, которая отъ нихъ уже перенимаются чиновницами.

Журналъ, книга, музыка, не составляютъ потребности въ этомъ классѣ; случается, что тотъ или другой купецъ или купчиха выпишутъ какой-нибудь журналъ, но не для чтенія, а для обстановки; тоже самое слѣдуетъ сказать и о фортепіано; въ городѣ ихъ нѣсколько, но тѣ изъ нихъ, которые находятся въ домахъ купцовъ, по два, по три года стоятъ, не издавая звука, какъ не издаетъ его простая мебель; фортепіано въ залѣ, журналъ на столѣ, медаль на груди хозяина, — отъ всего этого кажется какъ-то богаче въ домѣ, ожидается болѣе почета. Мѣриломъ уваженія къ наукѣ можетъ служить счисленіе времени; на чемъ оно основано въ Никольскѣ, никому не известно; башенныхъ часовъ въ городѣ нѣть, на соборѣ сторожъ выбиваетъ часы въ колоколъ по часамъ, стоящимъ въ сторожкѣ, но эти часы невѣрны, и сторожъ передвигаетъ стрѣлку по солнцу на «самовзглядъ», какъ здѣсь говорятъ; передаютъ какую-то легенду о проѣзжемъ астрономѣ, который

будто-бы въ соборѣ начертилъ полууденную ли-
нию, но черта эта теперь стала предметомъ
тищетныхъ розысканій.

Въ культурномъ отношеніи Никольскъ тяго-
тѣеть къ Архангельску; туда никольскіе куп-
цы посылаютъ своихъ дѣтей поучиться кое-
какимъ обрывкамъ знанія, а мѣщане—сапож-
ному и портняжному мастерству; вообще, го-
родскія ремесла сюда распространяются изъ
Архангельска, или еще изъ Устюга. Вліяніе
запада и востока отличается особымъ характе-
ромъ; изъ Костромы черезъ Кему въ николь-
скій уѣздъ наѣзжаютъ торговцы съ краснымъ
товаромъ; изъ Вятки черезъ Вохму идутъ но-
вовведенія сельского хозяйства. О загранич-
номъ мірѣ никольское общество не столько слѣ-
дить по газетамъ, сколько по корреспонденціямъ
агентовъ по хлѣбной торговлѣ, живущихъ въ
Архангельскѣ. Въ этомъ отношеніи загранич-
ная жизнь чувствуется здѣсь на столько, что
и отъ подгородныхъ крестьянъ случается
слышать разсужденіе,—англичанинъ-де увѣ-
домилъ, что у него еще цѣль запасть хлѣба отъ
прошлыхъ годовъ, и нового закупа по этому
не будетъ. Нѣкоторое оживленіе въ городскую
жизнь внесло введеніе земскихъ учрежденій;
благодаря стараніямъ бывшей земской управы,
городъ имѣетъ теперь небольшую публичную
библиотеку, больницу и двѣ школы—мужскую
и женскую; нынѣшнее земство, кажется, ме-
нѣе внимательно къ дѣлу народнаго образо-
ванія.

Простой классъ въ городѣ дѣлится на два
слоя — во-первыхъ, земледѣльцевъ, и во-вто-
рыхъ, людей различныхъ профессій, ремеслен-
никовъ, отставныхъ солдатъ и проч. Эти два слоя
рѣзко отличаются въ образѣ жизни, въ одѣждѣ
и обычаяхъ. Городъ Никольскъ былъ переимено-
ванъ изъ погоста, во второй половинѣ прошлаго
столѣтія, но долго не увеличивался. Чтобы
увеличить городское населеніе и умножить тѣмъ
городскіе доходы, начальство распорядилось
выселить въ городъ три сосѣднія деревни: Бо-
рисову, Мелентьеву и Вахрамееву. Крестьяне
были переписаны въ мѣщане, а земли ихъ объ-
явлены городскою собственностью. Крестьяне

переселились въ городѣ и составили здѣсь три
конца или улицы: мелентьевцы заселили мел-
ентьевскій конецъ, вахрамеевцы—вахрамеев-
скій, борисовцы—вохсмскій; но, переселившись
въ городѣ, они все-таки остались земледѣль-
цами и сохранили вполнѣ свой бытъ; началь-
ство принудило ихъ сдѣлать только одно из-
мѣненіе: строить избы по бѣлому, съ тремя ко-
сящатыми окнами, и ставить повѣти отдельно,
а не подъ общею крышей съ избой, какъ это
дѣлается въ деревняхъ. Въ осталѣномъ они
сохранили всѣ свои старые обычаи; внутри
изба ихъ обставлена тѣми же лавками, какъ и
въ деревенской избѣ; поль такой же грязный;
сами они одѣваются, по прежнему, въ кошули, а
женщины въ сарафаны, тогда какъ у мѣщанъ
и ремесленниковъ женщины ходятъ въ платьяхъ.
Даже сборъ духовенству они платить не какъ
мѣщане, а какъ крестьяне; мѣщане обыкно-
венно даютъ деньги за посвѣщеніе съ крестомъ
и платить во время говѣнья исповѣдныя день-
ги; мѣщане—земледѣльцы за посвѣщеніе пла-
тятъ хлѣбомъ, яйцами, масломъ и проч., а
исповѣдныя, по 2 к. съ души, даютъ не во
время исповѣди, а въ Пасху; поэтому и попы
въ Пасху къ другимъ мѣщанамъ ходятъ съ
крестомъ, а къ мѣщанамъ—земледѣльцамъ съ
«Воскресеньемъ на ручкѣ», то есть, съ ико-
ной Воскресенія Христа съ рукояткой, которая
втыкается въ жито, насыпанное на столѣ подъ
божницей; жито это идетъ въ пользу причта.

Особенно замѣчательно, что эти мѣщане-зем-
ледѣльцы сохранили общинное пользованіе зем-
лей, хотя она признана городскою и продается
съ торговъ въ аренду. Этого достигаютъ они
такимъ образомъ: передъ торговами мелентьев-
скій конецъ избираетъ изъ своей среды мѣща-
нина и даетъ ему полномочіе торговать землю;
этотъ уполномоченный является на торги и
арендуется на себя всѣ участки, которые вхо-
дятъ въ составъ бывшей мелентьевской общинѣ;
сумму, какую онъ внесъ за аренду, мелентьев-
скій конецъ платить потомъ складчиной, кото-
рую разверстываетъ на семьи по числу душъ.
Тоже самое дѣлаютъ и борисовскій и вахра-
мeeвскій концы, затѣмъ эти три общинѣ-арен-

датора пользуются землей по прежнему, т. е., пахатное поле остается по прежнему раздѣленнымъ на три поля: паровое, рожаное и овсянное; каждое поле дѣлится, какъ прежде, на полосы; пожни остаются за прежними хозяевами, которые владѣютъ ими уже по сту лѣтъ; «дербы», т. е., мѣста, выжженныя подъ ленъ, эти мѣщане жгутъ въ тѣхъ же лѣсныхъ участкахъ, которые принадлежали ихъ роднымъ деревнямъ. Такъ какъ мѣщане, занимающіеся земледѣліемъ, составляютъ большинство населенія Никольска, то самый городъ составляетъ какъ-бы союзъ трехъ земледѣльческихъ общинъ. Полвѣка живутъ эти три общини, не смѣшиваясь экономически; даже бесѣдки, эти дѣвическіе клубы, устраиваемые на артельныхъ началахъ, организуются отдельно въ каждой изъ трехъ общинъ—въ мелентьевскомъ концѣ свои бесѣдки, въ вахрамеевскомъ свои и т. д. Полвѣка не могли объединить составныхъ частей этого города; вотъ какъ вообще трудно поддается жизнь объединенію. Этотъ примѣръ, конечно, не показываетъ, чтобы крестьянская община была на столько живучая, чтобы не могла и пастъ подъ энергичными ударами, но изъ него все-таки видно, что крестьяне предпочитаютъ общинный быть другому и стараются удержать его вопреки всякимъ препятствіямъ. Какъ они смотрятъ на его преимущества, мнѣ показало интересное сравненіе, которое я услышалъ отъ одного знакомаго крестьянина Семена Березы изъ деревни Кумбисерь (въ 12 верстахъ отъ Никольска), когда я ему приводилъ доводы противъ общини; крѣпостное владѣніе и общинное онъ сравнилъ съ дворянскою перчаткой и крестьянскою рукавицей: «Въ дворянской перчаткѣ»—сказалъ онъ мнѣ,—«у каждого пальца свой чуланчикъ, а въ морозъ они забнутъ; въ крестьянской рукавицѣ все они въ мѣстѣ и другъ друга грѣютъ».

Другой примѣръ того, какъ народъ не охотно разстается съ старыми формами жизни, я наблюдалъ на Леденгскомъ усольѣ. Леденгскій соловаренный заводъ принадлежитъ казнѣ, которая прежде сама производила здѣсь варку соли, нынѣ же сдастъ заводъ на аренду; теперь за-

водъ находится на аренду у ростовскаго купца Первушина. Перемѣна въ управлѣніи заводомъ сильно отразилась на мѣстныхъ жителяхъ; они значительно обѣднѣли. Селеніе завода, повеличинѣ не уступающее городу Никольску, по всюду представляетъ слѣды упадка; большиѣ двухэтажные дома стоять съ выбитыми стеклами, повсюду развалины, гнилые троттуары, запущенные садики. Въ народѣ слышны жалобы на бѣдность; одинъ рабочій, жившій въ избѣ, въ которой помѣщался этанъ, говорилъ мнѣ, что онъ много видѣтъ проходящихъ арестантовъ, приглядѣлся къ нимъ и находитъ, что все они живутъ гораздо лучше, чѣмъ онъ. Новый хозяинъ завода уменьшилъ эксплуатацию разсола; прежде, при казнѣ, въ дѣйствіи было 20 варницъ, теперь только 9. Съ сокращеніемъ дѣйствующихъ варницъ рабочаго народу требуется гораздо менѣе противу прежняго; между тѣмъ, леденгское населеніе свыклось съ своимъ промысломъ, а никто не хочетъ перейти къ другой промышленности, для чего, можетъ быть, нужно еще и переселеніе. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ леденгское общество приняло такую мѣру: оно приняло на себя всю работу по варницамъ въ цѣломъ, и потомъ уже между собою разверстало работу такъ, что въ резулѣтатѣ вышло всеобщее равномѣрное пониженіе благосостоянія. Каждый членъ общества имѣть право на два дня работы въ варницахъ, остальные четыре въ недѣлю у него гульные; конечно, два рабочихъ дня въ недѣлю или 104 дня въ годъ не могутъ обеспечить содержаніе рабочаго, особенно семейнаго. Въ гульное время леденгцы заняты поставкой дровъ; конные занимаются возкой ихъ, безконные рубятъ. Рубка дровъ также раздѣлена между всѣмъ обществомъ, то есть, все леденгское селеніе обратилось въ артель, которая беретъ на себя подрядъ поставить на заводъ столько дровъ, сколько будетъ нужно. Вообще, говорятъ рабочіе, гдѣ бы нужно двухъ рабочихъ, тамъ мы поставили шесть. По ихъ разсчету, 18 рублей рабочей платы за варничные работы раздѣлены между тремя человѣками, а 30 рублей платы за рубку дровъ—между шестью. Такимъ обра-

зовъ, человѣкъ съ семьей въ 10 душъ получаетъ въ мѣсяцъ 5 рублей, а ему нужно 10 пудовъ муки, слѣдовательно, 10 рублей серебромъ. Можно сказать, что леденгская община тонетъ, но тонеть разомъ: всѣ члены ея цѣпко держатся другъ за друга.

Не извѣстно, долго ли просуществуетъ въ Никольскѣ тотъ порядокъ, который мы описали. Пока охотниковъ соперничать съ мѣщанами на торгахъ на землю было мало, но время отъ времени все-таки являются; можно надѣяться, что и въ будущемъ городская управа не будетъ стараться, увлекаясь стремлениемъ увеличить городскія суммы, искусственными мѣрами разжигать частныхъ хозяевъ къ конкуренціи съ тремя общинами, составляющими городъ, тѣмъ болѣе, что у нея есть значительная доходная статья, которою она не умѣла до сихъ поръ пользоваться, какъ бы слѣдовало: часть городской земли, прилегающей къ рѣкѣ, арендуетя сплавщиками хлѣба въ Архангельскѣ подъ постройку барокъ; цѣны, за которыя сданы эти участки, слишкомъ ужъ дешевы, — такъ, напримѣръ, большой участокъ земли сданъ купцу Спирину на 12 лѣтъ чуть-ли не за 20 руб., тогда какъ онъ гораздо дороже берется за $\frac{1}{5}$ той же земли съ другаго судохозяина, да травы накашиваетъ на сумму, равную арендной платѣ, не говоря ужъ о томъ, что онъ также строить отъ 4 до 5 барокъ на этой землѣ. Рядомъ съ нимъ другой купецъ за участокъ въ нѣсколько разъ меньшій платить до 70 рублей. Эта послѣдняя плата показываетъ, до какой величины городская управа могла бы довѣсти ее вообще, а можетъ быть, и эта плата еще не велика; для судохозяина было бы не отяготительно заплатить въ пользу города и побольше.

Что касается до способа владѣнія землей, то, хотя во всемъ никольскомъ уѣздѣ господствуетъ общинное землевладѣніе, и дворянскихъ помѣстій нѣтъ (кажется, всего одна помѣщичья усадьба есть въ кемскомъ краѣ), однако, каждая изъ трехъ установленныхъ нами частей: кемскій край, вохомскій край и Низа, отличаются нѣкоторыми особенностями. Въ кемскомъ краѣ, напримѣръ, мы встрѣчаемся съ лѣсовла-

дѣльцами, которыхъ нѣтъ въ другихъ частяхъ уѣзда. Эти владѣльческіе лѣса составляютъ сплошную площадь между рѣками Кемой, Унжей и Святыцей и были пожалованы правительствомъ разнымъ дворянскимъ фамиліямъ не ранѣе начала нынѣшняго столѣтія; владѣльцы этихъ лѣсовъ не только не живутъ въ краѣ, но часто даже не знаютъ, гдѣ находятся ихъ лѣсныя дачи. Въ настоящее время эта площадь жалованныхъ лѣсовъ — самый бѣдный хороший лѣсомъ уголъ, потому что надзоръ лѣсной стражи сюда не простирался, и богатые лѣсовладѣльцы, пользуясь отсутствіемъ лѣсовладѣльцевъ, давно вырубили и сплавили по Унжѣ весь хороший лѣсъ. Въ Цизахъ, то есть, въ окрестностяхъ Никольска и ниже по Югу, нѣтъ землевладѣльцевъ дворянъ, но есть крестьяне-помѣщики, владѣющіе участками въ нѣсколько десятинъ, а иногда и меньше одной десятины. Такихъ поземельныхъ собственниковъ здѣсь много, но общее количество крѣпостныхъ земель не велико; общинная земли въ отличіе отъ крѣпостныхъ здѣшніе крестьяне зовутъ, какъ мнѣ это случилось слышать, радиоми. Въ этой же части уѣзда встрѣчаются половники. Наконецъ, особенность вохомскаго края заключается въ томъ, что здѣсь существуетъ множество новыхъ починковъ, то есть, мелкихъ колоній, выселенныхъ изъ старыхъ деревень. Здѣсь считается до 400 починковъ, всѣ они не вошли въ списокъ населенныхъ мѣстъ вологодской губерніи, изданный центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Основаны они частію крестьянами сосѣднихъ волостей никольского уѣзда: Лапшинской, Вознесенской, Черно-Николаевской и Павинской, частію крестьянами вятской губерніи исключительно изъ котельническаго уѣзда, изъ волостей Тороповской, Киселевской и Ключевской. Одни вятчане основали здѣсь до 250 починковъ; вятскіе починки лежать по преимуществу по берегамъ р.р. Ирдомы, Луптиуга, Бѣлой, Рундуга и Калуга, текущихъ въ казенной Пушемско-Моломской лѣсной дачѣ. Многіе изъ этихъ починковъ имѣютъ уже около 60 лѣтъ существованія, другіе основаны не болѣе десяти

ти лѣтъ назадъ, а можетъ быть, и менѣе. Не смотря на давность своего существованія, починки эти не были вносимы въ списки поселеній никольского уѣзда на томъ основаніи, что жители ихъ продолжали считаться «на старинѣ», то есть, въ старыхъ своихъ деревняхъ, куда они отвозили и свои подати; вятскіе починцы, живя въ предѣлахъ вологодской губерніи чуть не столѣтіе, продолжали отвозить подати въ вятскую губернію, иногда верстъ за сто отъ своего починка. Это явленіе странно тѣмъ, что его нѣть въ другихъ частяхъ уѣзда. Одни въ Никольскѣ объясняютъ его существованіемъ какого-то котельническаго исправника, который будто-бы дозволялъ противу законно это переселеніе и потомъ уѣхалъ за границу, другіе тѣмъ, что мѣстность по Лунтуго и Прѣдомъ опустошена сильными лѣсными пожарами. Вѣрнѣе всего то, что край этотъ лежить близко къ вятской губерніи, населеніе которой, занимаясь исключительно земледѣліемъ, стремится къ колонизаціи по мѣрѣ своего размноженія. Сами крестьяне объясняютъ свое выселеніе недостаткомъ лѣса въ котельническомъ уѣздѣ, и также «утѣсненіемъ въ землѣ». Въ котельническомъ уѣздѣ, по ихъ словамъ, такъ мало лѣса, что новыхъ избъ не изъ чего строить, и жители нерерубаютъ избы изъ старыхъ до трехъ разъ; размѣры избы, такимъ образомъ, уменьшаются съ каждымъ разомъ и въ концѣ копцевъ доходятъ чуть не до величины телячьей стойки. Тоняты въ уѣздѣ прутьями и сучьями, а въ екатерининской волости — соломой.

Починки ведутъ къ времененному разрушенію общинны. Основываютъ починки, по моимъ догадкамъ, богатые крестьяне, точно также, какъ они по преимуществу расчищаютъ новины. Богатый крестьянинъ, имѣя въ домѣ лишнихъ работниковъ и поболѣе лошадей, не можетъ довольствоваться тѣмъ количествомъ земли, какое ему достается въ надѣль отъ общинны; онъ отправляется въ казенную дачу и тамъ, украдкой отъ лѣсной стражи, чистить себѣ новину. Большая часть новинъ послѣ сѣма хлѣба бро- сается, другія обращаются въ починки. Подъ починки, по словамъ крестьянъ, избираются

зарослые «дербы», гари и ломи; что многіе починки основаны па старыхъ дербахъ, свидѣтельствуютъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ: Калинины дербы, Зарослые дербы, Семейныы дербы, Юрины дербы, Парашины дербы и проч. На время чистки новины починецъ ставитъ шалашъ, который срубается изъ четыреугольныхъ вѣнцовъ, какъ и изба, по вмѣсто печи по серединѣ шалаша устраивается между двумя камнями очагъ, дымъ отъ котораго проходитъ въ дыру въ потолкѣ, затыкаемую чурбаномъ или мѣнкомъ съ травой. Хлѣбъ починецъ печеть въ сосѣдней деревнѣ, если «старина» далеко. Послѣ вырубки лѣса на новинѣ первое дѣло «выпрятать валы», т. е. сложить вырубленный лѣсъ въ валы или гряды; выпрятываютъ валы иногда помочью; затѣмъ жгутъ и «катаютъ» валы, т. е. переватываютъ горящій валъ вдоль новины. Это самая трудная и черная работа; руки становятся черныя, просмаливаются сѣрой и напитываются сажей, такъ что не отмываются. Къ этой копоти присоединяется дымъ, который починцы должны переносить въ своихъ шалашахъ. Въ то лѣто, какъ посѣютъ рожь, строятъ ужъ избушку, бываютъ въ ней печь и привозятъ бабъ. Какъ скоро починецъ перевезъ на починокъ свое семейство и скотъ, «старина» отказываетъ ему въ своей землѣ. Обыкновенно это дѣлается на третій годъ послѣ основанія починка, и только подушные покосы починцы сохраняютъ часто въ теченіе 20 лѣтъ, живя на починкѣ иногда верстахъ въ 25-ти отъ старины. Отказъ въ землѣ «старина» оправдываетъ тѣмъ, что починцы, съ переводомъ своего скота на починокъ, прекращаютъ назмить свою полосу на старинѣ. Черезъ пять лѣтъ починцы корчуютъ пни, когда «протрухнутъ корни»; раньше этого времени новину пашутъ, огибая сохой пни.

Новины, которыхъ послѣ расчистки не бро- саются, а назмятся и обращаются подъ вѣчный посѣвъ, называются кулигами. Иногда въ починокъ выселяется разомъ три семьи, или онѣ выселяются одна послѣ другой вскорѣ; каждая семья расчищаетъ себѣ отдаленную ку-

лигу. Вноследствіи это кулижное владѣніе прекращается—черезъ пять лѣтъ послѣ основанія починка, давши каждому основателю снять три - четыре травы налочника *) съ его кулигъ въ вознагражденіе за его труды по расчисткѣ; тогда всѣ кулиги объявляются общимъ достояніемъ и распредѣляются по душамъ «по-конно». И тѣ починки, которые основаны очень состоятельными крестьянами, вноследствіи перемѣняютъ кулижное землевладѣніе на общинное; иногда основатель починка припускается на починокъ чужого крестьянинна за деньги: одинъ крестьянинъ, какъ мнѣ говорили, за припускъ на починокъ заплатилъ починцу 150 р. Наконецъ, и у самого починца разростается семейство, дѣлится, строить особые дворы и образуетъ цѣлую деревню; названія пѣкоторыхъ деревень показываютъ, что онѣ ничто иное, какъ одно обширное семейство, какъ, напримѣръ: Корнилата, Денисата, Микулата или Ермаковщина, Хомяковщина, Медвѣдевщина, Окуловщина, Нѣкрасовщина и проч. Члены разросшагося семейства дѣлять скотъ и кулиги и потомъ распредѣляютъ ихъ «по-конно». Такимъ образомъ, возобновляется общинный бытъ на починкахъ, но до этого времени на починца можно смотрѣть, какъ на поземельного собственника. Мнѣ называли только два починка, которые были основаны общинами: основатели починка Мараксинскаго на р. Мараксѣ (впадающей въ р. Шайму) расчищали землю подъ пашню полосами,—назначать лѣсъ подъ чистку, артелью «скатить» и тотчасъ же размѣряютъ по душамъ; починокъ Сидоровъ въ вершинахъ Калуга состоить изъ четырехъ семей, въ которыхъ душъ не по ровну, но каждое семейство владѣть четвертью расчищенной земли, потому что при основаніи починка отцы или дѣды семействъ условились по-ровну чистить и по-ровну владѣть до ревизіи.

Съ теченіемъ времени починки разростаются въ деревни съ сложнымъ общиннымъ бытомъ.

*) Налочникъ (*Phleum pratense*) — единственная трава, которую здѣсь сѣютъ. Налочникъ сѣютъ на новину одновременно съ рожью: рожь вымолачиваются и просѣиваются отъ сѣянья налочника; на слѣдующій годъ ржи на новину.

Въ починкахъ, перешедшихъ къ общинному быту, полосы бываютъ по 4 и по 5 сажень шириной; такъ какъ здѣсь поле не дѣлится на множество «платовъ» съ различнымъ качествомъ почвы и, можетъ быть, встрѣчаются даже одноплатныя поля, то здѣсь у хозяина бываетъ меньше полосъ, и нѣтъ полосъ столь узкихъ, какъ на «старинѣ». Съ увеличеніемъ полей въ починкѣ, съ умноженіемъ населенія въ немъ, съ истощеніемъ въ различной мѣрѣ почвы и здѣсь является потребность разсортовать землю на нѣсколько платовъ и измѣльчить полосы; чѣмъ старѣе починокъ, тѣмъ земельные обычай ближе подходятъ къ порядкамъ на старинѣ; чѣмъ починокъ новѣе, тѣмъ менѣе въ немъ общинного духа. Въ старыхъ деревняхъ поле не составляеть одного общаго «плата», —его дѣлять на двѣ половины и болѣе, такъ что у одного хозяина считается отъ 20 до 30 полосъ во всѣхъ трехъ поляхъ (паровомъ, ржаномъ и овсяномъ). Полосы поэтому узки, въ пѣкоторыхъ деревняхъ уже бороны, потому что на душу приходится не болѣе $2\frac{1}{2}$ шаговъ; хозяева, получающіе надѣль всего на одну душу, соединяются, въ такомъ случаѣ, съ какимъ-нибудь сосѣдомъ, получаютъ надѣль вмѣстѣ и обрабатываютъ его сообща.

Интересны здѣшніе обычай при дѣлежѣ сѣнокосовъ; распредѣленіе сѣнокосовъ здѣсь чрезвычайно разнообразно по деревнямъ и отличается большею или меньшою сложностью. Для примѣра я возьму сначала одну деревню Аксентьеву, обѣ обычаяхъ которой я болѣе всего разспрашивалъ. Сѣнокосы въ Аксентьевой (въ трехъ верстахъ отъ Никольска) можно раздѣлить на три рода: 1, заполоски, 2, дѣлянки и 3, пожни. Заполосками называются небольшіе лоскутки земли около хлѣбонахатныхъ полосъ; это собственно продолженіе полосъ, только не распаханное, а оставленное подъ траву. Заполоски выпахиваются тѣмъ же хозяиномъ, которому принадлежитъ прилегающая полоса; слѣдовательно, сколько въ деревнѣ полосъ, столько и заполосковъ. Дѣлянками называются здѣсь сѣнокосы,

иѣ уже болѣе не сѣютъ, но на ней вырастаетъ отличный налочникъ, который снимаютъ въ теченіе иѣсколькихъ лѣтъ.

лежащие по мелкимъ рѣчкамъ и ложкамъ; дѣлянки дѣлятся шестомъ. Наконецъ, пожнями называютъ сѣнокосы, расчищенные въ лѣсахъ въ 8 верстахъ отъ деревни, по рѣчкамъ Карнышу, Погорѣлицѣ и въ вершинахъ р. Куючихи. Здѣсь каждый хозяинъ имѣеть свою пожню, которую расчистилъ, можетъ быть, еще его дѣдъ; онъ смотритъ на нее, какъ на наследство. Встрѣчаются пожни, находящіяся въ пользованіи двухъ дворовъ: это непремѣнно значитъ, что оба двора родные, происходять отъ одного дѣда, который расчищалъ пожню, и лишь впослѣдствіи раздѣлились, но пожню оставили не-подѣленно. Пожни, слѣдовательно, суть такие участки, на которые условія общиннаго быта не распространяются. Пожни часто лежатъ через-полосно отъ нѣсколькихъ деревень; такъ, напримѣръ, пожни деревень по рр. Кипшеньгѣ и Лохѣ перемѣшаны между собою: часто кипшенжане имѣютъ пожни подъ самою Лохой, а лошане ближе къ Кипшеньгѣ, словомъ тамъ, где ихъ старики чистили. Такое пользованіе сѣнокосами имѣеть ту выгоду, что сѣнокосные мѣста распределены теперь равномѣрно между деревнями; есть деревни, не имѣющія своихъ удобныхъ сѣнокосныхъ мѣстъ; есть другія, подъ которыхъ они изобилѣнны; существующій порядокъ не мѣшаетъ первымъ завести пожни подъ бокомъ у вторыхъ. Здѣсь очень много деревень, которыхъ имѣютъ свои сѣнокосы на другихъ системахъ рѣкъ, и нужно замѣтить, что вершины рѣчекъ часто заняты подъ сѣнокость вовсе не жителями той-же рѣки, живущими въ ея низовьяхъ, а скорѣе жителями какой-нибудь сосѣдней рѣки; такъ, напримѣръ, вершины р. Пыстюга (системы Волги) выкашиваются крестьянами деревни Ширей, которая лежитъ въ системѣ р. Юга, и ширяне, чтобы дойти до своихъ сѣнокосовъ, должны пересѣчь весь сузѣмъ, — деревня ихъ лежитъ на сѣверной сторонѣ сузѣма, а сѣнокость на южной. Жители города Никольска имѣютъ пожни въ вершинахъ р. Кипшеньги, крестьяне деревни Ногавициной (на р. Шарженьгѣ) ходятъ косить сѣно за 40 верстъ на р. Кему. Это явленіе объясняютъ бѣдностью здѣшняго края въ сѣнокосахъ и ихъ мелкотравiemъ; приходится

по неволѣ искать сѣнокоса по всѣмъ закоулкамъ сузѣма; нерѣдко крестьяне косить сѣно между болотами и выносятъ его на носилкахъ; крестьяне деревни Ногавицинойѣздятъ за 30 верстъ собирать вмѣсто сѣна осиновый листъ. Поэтому немудрено, что крестьяне задумываются при слухахъ о размежеваніи земель; тогда, конечно, имъ придется разстаться съ пожнями внутри сузѣма и удовольствоваться тѣмъ, что есть въ окрестностяхъ ихъ деревень.

Дѣлянки деревни Аксентьевой лежать на р. Куючихѣ и Крутой. Онѣ не равны между собою и разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; тѣмъ не менѣе, аксентьевцы представляютъ умственно сумму этихъ дѣлянокъ и дѣлять ихъ по числу душъ въ деревнѣ. Для большаго удобства, населеніе деревни раздѣлено на три девятины, девятины на половины; каждой девятины назначены извѣстныя дѣлянки, и есть такія большія дѣлянки, что на нихъ помѣщаются цѣлые половины девятины; другія малы, и нужно ихъ нѣсколько, чтобы составить половину; есть дѣлянки, на которыхъ посажено не болѣе 4-хъ душъ. Семьи разсажены по дѣлянкамъ съ давнаго времени, но сама дѣлянка ежегодно дѣлится между семьями, на нее опредѣленными. Пришедши на дѣлянку, косцы отыскиваютъ старыя межи, обозначенные рядомъ камней и отдѣляющія ее отъ смежныхъ дѣлянокъ. Потомъ мечутъ жребій, въ какомъ порядкѣ размѣститься на дѣлянки, — кому выше, кому ниже. Жеребій бросаютъ посредствомъ цвѣтовъ. Установивъ порядокъ слѣдованія, начинаютъ на каждую душу отмѣрять полосу шириной въ косовище; выкосивъ отмѣренное, переходятъ дальше по дѣлянкѣ или снова мечутъ жеребій цвѣтами, или мѣряютъ опять покосовищу «поконно», т. е. въ томъ же порядкѣ, въ какомъ души слѣдуютъ въ выкошенномъ участкѣ. Продолжая, такимъ образомъ, дѣлить и выкашивать, приходятъ къ тому, что косовище не укладывается больше вдоль дѣлянки нужное число разъ; тогда мѣряютъ косовищемъ попереckъ дѣлянки; если и тутъ еще образуется остатокъ, который нельзя уже болѣе дѣлить,

Городъ Никольскъ.

По фотографії, сообщенной Г. Н. Потанинымъ; рис. Г. Глушкиовъ, рѣз. на дер. А. Шлиперъ.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ, Т. III, 1876 г.

Дозволено цензурою. Спб., 23 сентября 1876 г.

Типографія В. Граціанскаго, Невскій, № 46.

его выкашиваются сообща и скопленное на немъ съено дѣлать въ копны.

Въ другихъ деревняхъ (какъ, напримѣръ, въ Селивановой) дѣлянокъ нѣть; но вмѣсто нихъ есть подушные сѣнокосы, т. е. пожни, расчищенные въ крестьянской примежеванной дачѣ, не далѣе 5 верстъ отъ деревни; оброка за эти пожни лѣсному вѣдомству крестьяне не платятъ, какъ и аксентьевцы за свои дѣлянки, а между тѣмъ, они по душамъ по-конно не разверстаны: у кого гдѣ дѣдъ чистиль, тотъ тамъ и владѣеть «покулижно»; пытались, говорять, когда-то разверстать по-конно; но волостное правлѣніе не позволило, — крестьяне думаютъ, что богачи дали взятку волостнымъ. Это даетъ поводъ думать, что и аксентьевскія дѣлянки были когда-то не разверстаны по душамъ, а были частными пожнями и лишь потомъ приговоромъ общины превращены въ общинное владѣніе.

Еще шагъ впередъ дѣлаетъ община, когда сѣнокость, вмѣсто дѣленья шестомъ или косовищемъ, выкашивается миромъ, «общиной», и съено дѣлится въ копнахъ. Обычай этотъ существуетъ тамъ, где есть поемные луга хоть въ полверсты шириной; по моимъ разспросамъ, обычай этотъ существуетъ въ деревняхъ Мякишевой и Подолѣ (на Кипшеньгѣ), Червиной (на Шарженыгѣ), Аксиловой и Есиповой (у обѣихъ деревень общей лугъ); наконецъ, двѣ деревни Кузнецова и Филипова и часть Теребаевой имѣютъ общій лугъ при устьѣ р. Кипшеньги. Для косьбы назначается по одному или по два косца на душу, состоящую въ платежѣ податей. Съено складывается въ копны, которыя по качеству сѣна сортируются на два сорта: хороший и плохой. Затѣмъ участники дѣлятся на двѣ половины; выбираютъ двухъ стариковъ и вручдаютъ имъ, два рода жеребьевъ — одни, вырубленные изъ черемухи, другіе — изъ ивы или ольшины; старики обязаны воткнуть ихъ въ копны; подробности этой процедуры я не могъ узнать точно, однако, цѣль ея заключается въ томъ, чтобы въ каждую половину попали поровну и хорошия и худыя копны. Половина копны дѣлится тѣмъ же способомъ между свои-

ми членами, пока дѣло не дойдетъ до дѣлежа одной копны между двумя лицами; эти послѣдніе рѣшаются — кому низъ, кому верхъ копны, мѣряя горстю по палкѣ, какъ это дѣлаются дѣти во время игръ въ мячикъ. Обычай выкашивать съено общиной можно считать вполнѣ мѣстнымъ, возникшимъ здѣсь и выработаннымъ постепенно изъ мѣстныхъ элементарныхъ обычаевъ; по крайней мѣрѣ, обычай дѣлить отдельныя копны на дѣлянкахъ распространенъ повсей системѣ р. Шарженыги и въ другихъ мѣстахъ, и немудрено, если это дѣленіе послѣднихъ копенъ развило до общиннаго кошенія сѣна на цѣлой дѣлянкѣ или на цѣломъ лугу.

IV.

Другая форма экономического союза, артель, также въ большомъ ходу въ никольскомъ уѣздѣ. Строятъ ли крестьяне барки, выжигаютъ-ли извѣсть, варятъ-ли пиво, строятъ-ли качели, убираютъ-ли хлѣбъ или горохъ, строятъ-ли избу, вѣздѣ — артель или помочь.

Постоянныхъ артелей въ уѣздѣ, впрочемъ, нѣть: изъ временныхъ замѣчательны артели барочниковъ, то есть, плотничные артели, занимающіяся постройкой барокъ на хлѣбной пристани въ городѣ Никольскѣ. Барки строятъ для сплава въ Архангельскъ хлѣба, который доставляется гужемъ изъ яранского и котельническаго уѣзда въ вятской губерніи и частію по р. Вохмѣ; преимущественно сюда идетъ овѣсъ, котораго ежегодно сплавляется изъ Никольска болѣе 200,000 пудовъ. Ежегодно для сплава этого хлѣба строится на берегу Юга, подлѣ самаго города, отъ 30 до 55 барокъ.

Никольская пристань вызываетъ организаціи трехъ сортовъ артелей: 1) артелей барочниковъ; 2) артелей двинскихъ пильщиковъ и 3) артелей сплавныхъ. Барочники составляютъ артели по 8, по 10 человѣкъ; они состоятъ изъ крестьянъ ближайшихъ къ городу деревень. Артели составляются изъ жителей разныхъ деревень, даже родные братья попадаютъ въ разныя артели. Барка требуетъ на постройку 60 дней, и по окончаніи постройки артель разсыпается. Одинъ изъ артельщиковъ называется подрядчикомъ или

плотникомъ; онъ ведеть счеты съ купцомъ, хозяиномъ барки, и руководить работами. Барочники заподряжаются осенью, при сдачѣ по-датей за вторую половину года; безденежье заставляетъ ихъ браться за такую дешевую цѣну, что изъ платы, которую они получаютъ, имъ не остается почти никакого барыша. Еще весной, по спускѣ барокъ и отплытіи ихъ, хлѣбные тор-говцы выдаютъ впередъ подрядчику или плотнику рублей семь «кокорныхъ»; осенью, передъ сдачей податей, онъ получаетъ задатокъ по 10 рублей на человѣка или 80 рублей на всю бар-ку и, ссужая этими деньгами крестьянъ, органи-зуетъ изъ нихъ около себя будущую артель. За постройку барки изъ хозяйстваго лѣса берутъ 130, 125 или 120 рублей, да кромѣ того, пол-пуда трески и 1 пудъ соли. За постройку сырой барки, то есть, изъ своего лѣса, берутъ 230 или 240 р. с. При подрядѣ выговариваются «пріят-ныхъ» денегъ 3 рубля, а если не выговарива-ютъ денегъ, то просятъ во время постройки на водку, сложивъ 6 кѣткокъ или «городковъ», на которыхъ будетъ впослѣдствіи покойиться барка, и, положивъ на нихъ кобылины, идутъ къ хозяину просить: «давай, хозяинъ, водки кобылину примораживать»; сплотивъ днище, передъ тѣмъ, какъ начать огибать его досками, просятъ «окруж-ное заземъ размочить, иначе ломается»; передъ постановкой карги на кормѣ просятъ: «корговое» и т. д. Рабочая плата получается барочниками по частямъ три раза: во первыхъ, осенью—за-датокъ, во вторыхъ, въ Благовѣщенѣ, которое здѣсь называется бабымъ праздникомъ; въэтотъ день къ барочникамъ приходятъ въ городъ ихъ жены и барочники должны, по обычаю, угощать ихъ водкой; въ третьихъ, при спускѣ барки, такъ называемое «спускное». Артель нанимаетъ въ городѣ квартиру, то есть, помѣщается въ од-ной избѣ съ хозяиномъ-мѣщаниномъ; платить за это 7 рублей; при этомъ покупаютъ чугуны и чашки, такъ что за все за это сходить съ человѣка по 1 р. с. Харчъ, кромѣ трески и соли,—свой; крупу, гороховую муку, галанку (брюкву) и лукъ приносятъ изъ дома по понедѣльникамъ (каждую субботу барочники расходятся по дерев-нямъ и возвращаются только въ понедѣльникъ

утромъ). Постное масло покупаютъ на рынкѣ. Иногда становится по двѣ артели въ одну избу, такъ что въ избѣ длиной 6 аршинъ помѣщается около 25 взрослыхъ человѣкъ. Берутся за по-стройку барокъ большою частю люди по бѣднѣе или большесемейные, у которыхъ найдется празд-ный членъ въ семействѣ; болѣе состоятельные этимъ не занимаются, но нанимаются у бароч-никовъ возить лѣсъ изъ сузёма на р. Югъ. По цѣнамъ, которыхъ барочники платятъ коннымъ мужикамъ, можно составить приблизительный расчетъ стоимости вывозки лѣса на цѣлую бар-ку. Вотъ онъ:

12—14 бревенъ на днище по 1 р. 40 к. одно.	16 р. 80 к.
28 паровые конца зазёма по 1 р. 60 к. за каждый	46 » 80 »
6 оздѣ по 1 р. 40 к. каждая	8 » 40 »
8 ухватовъ по 30 к. каждый	2 » 40 »
2 стрѣлы по 40 к.	— » 80 »
48—50 кокорь по 35 к.	16 » 80 »
2 карги и 2 подушки паровыя по 1 р. 60 к. каждая	3 » 20 »
48 коротышей по 25 к.	12 » — »
48 рѣшетинъ по 10 к.	4 » 80 »
Оть 22 до 24 порубней по 60 к.	13 » 20 »
3 поносныхъ (по 5 лошад. подъ кажд., по 3 р. 50 к. 10 » 50 »	
Коля, жердь, городнику по 5 возовъ на чело-вѣка, по 30 к. возъ.	2 » 40 »
2 трубы по 20 к. каждая	— » 40 »
	138 р. 50 к.

Если прибавить къ этому издержки на квар-тиру, масло, говядину и прочее, то общая сум-ма издержекъ дойдетъ до 150 р.; затѣмъ, если принять высокую цѣну, получаемую барочни-ками за постройку сырой барки, въ 240 рублей, то изъ рабочей платы останется для дѣлежа всего 90 р.; при раздѣлѣ этого остатка на 8 артель-щиковъ, каждому достанется не болѣе 11 р. 25 к. за 60 дней работы, или по 18 к. въ день. Ес-ли принять при этомъ въ разсчетъ, что бароч-ники харчуются на половину на свой счетъ, то есть, изъ дома носятъ хлѣбъ, крупу и проч., то изъ этихъ 18 к. еще прійдется сдѣлать вы-четъ, такъ, что въ дѣйствительности, рабочій день барочника оплачивается не болѣе, какъ въ 10 к. Мой разсчетъ еще умѣренный. Сами барочники оцѣниваютъ круглымъ числомъ полупай вывоз-ки (весь вывозъ барки состоить изъ 4 паевъ.— слѣдовательно, на одного человѣка въ артели падаетъ полная), въ 24 р., а вывозку цѣлой бар-ки—въ 192 р.; при этомъ разсчетъ дневной

трудъ барочника обойдется только въ 6 к. Такимъ образомъ, трудъ барочника почти даровой. Разумѣется, это не замѣтно на практикѣ, потому что не всегда случается, чтобы барочнику довелось вывозить весь лѣсъ; часть его или вывозить онъ самъ, или она уже вывезена самимъ судохозяиномъ; въ этомъ случаѣ, крестьянинъ все-таки получаетъ деньги; если же случится, что для вывозки всего лѣса барочникъ бываетъ вынужденъ нанять другого человѣка, то такие не только ничего не получаютъ, но еще остаются должны 2 или 3 рубля подрядчику. Только необходимость имѣть наличныя деньги ко дню Козьмы и Демьяна (1-го ноября) для уплаты податей, совершенное отсутствіе другихъ зимнихъ занятій, расчетъ, чтобы лошадямъ дать зимой какую-нибудь работу, и, наконецъ, желаніе полакомиться болѣе вкусною пищей съ треской и постнымъ масломъ и изрѣдка имѣть водку, приводятъ крестьянина браться за постройку барки. Самая постройка не тяжела, говорятъ крестьяне, но возка лѣса изъ сузёма очень трудна: «работа тогда тружена, въ поту каждый день по самую рубанечную завязку; какъ бы не были мы пьяницы, Христу были бы помощники!»

Спускъ барки—событие въ жизни артели, а спускъ барокъ вообще событие для цѣлаго города. Процедура спуска состоитъ изъ двухъ фазъ; сначала подъ барку подводятъ рычаги, а потомъ вырубаютъ подпорки, на которыхъ она стояла до сихъ поръ. Въ промежутокъ между этими двумя фазами, прежде, чѣмъ начинаютъ вырубать подпорки, совершается религіозная церемонія. Сначала судохозяинъ угощаетъ артель водкой, потомъ какъ барочники, такъ и 60 человѣкъ уже нанятыхъ бурлаковъ, которые составятъ впослѣдствіи экипажъ барки, садятся на землю; проходитъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, какъ это бываетъ на проводинахъ; затѣмъ встаютъ, снимаютъ шапки и молятся; послѣ того артель барочниковъ съ топорами въ рукахъ уходитъ подъ барку, «плотникъ» указываетъ, гдѣ рубить и заботится, чтобы лѣсъ рѣдѣлъ равномѣрно; послѣднія три кола вырубаются самыми опытными рабочими; это—ро-

ковая минута, и народъ, окружающій барку, невольно утихаєтъ. Раздается трескъ, барка начиняется, закрываетъ отъ глазъ зрителей на минуту рабочихъ и катится въ воду по подложеннымъ для того бревнамъ. Рабочіе эти становятся героями дня. Плотникъ получаетъ за спускъ барки десять рублей «попечительныхъ», а тѣ трое, которые подрубали послѣдніе колы, по 25 к. или по 50 к. «подломныхъ». Часто торжественность этой картины увеличивается выстрѣломъ изъ маленькой пушки съ барки. Конецъ праздника имѣетъ, однако, характеръ болѣе комическій; спустивъ барку, купецъ приглашаетъ почетнѣйшихъ изъ зрителей съ исправникомъ во главѣ въ хлѣбный амбаръ, тутъ же на берегу, гдѣ приготовлена закуска; въ то время, какъ гости угощаются, передъ окнами амбара пѣсненники поютъ пѣсни. Часа черезъ два вся компания возвращается въ городъ съ раскраснѣвшимися лицами, слегка покачиваясь и обязательно поддерживая градоначальника.

Артели двинскихъ пильщиковъ приходятъ въ Никольскъ съ Двины, рабочая плата у нихъ 30 к. за рѣзъ, такъ что два пильщика зарабатываютъ отъ рубля до 1 р. 20 коп. въ день.

Артели сплавные, то есть, бурлаки, раздѣляются на «коренныхъ» и «присаду». Коренные, иначе называемые «проходными», это—тѣ, которые идутъ отъ Никольска вплоть до Архангельска; присада нанимается только до Устюга, потому что сплавъ до этого города опасенъ по мелководью и излучистому теченію рѣки Юга. Коренные организуются десятками въ своихъ деревняхъ; родные братья встречаются въ разныхъ артеляхъ, такъ что попадаютъ не только на разныя барки, но и къ разнымъ купцамъ; большинство проходныхъ—съ Двины, начиная отъ Устюга; приходить сюда артели даже изъ Тулгаса и Николы Шилинского (послѣднее селеніе на 100 верстъ ниже Нижней Тоймы, въ 400 верстахъ отъ Устюга). Они идутъ до Никольска пѣшкомъ, питаясь однимъ хлѣбомъ и дѣлая утомительные переходы; оба эти условія вызываютъ у нихъ болѣзнь—куриную слѣпоту, которою они часто страдаютъ въ это

время, тогда какъ на мѣстныхъ жителей эта болѣзнь не распространяется. Сплавной получаетъ по 16 руб., но, впрочемъ, только «лоньшакъ», то есть, такой, который ходилъ на баркахъ того же купца въ прошломъ году. Не лоньшки получаютъ по 10 и даже по 8 рублей. Кромѣ того, хозяинъ даетъ на каждого человѣка по 2 пуда муки на всю путь, изъ нихъ артель 15 пудовъ перепекаетъ на хлѣбъ, а пудовъ 5 продаетъ дорогой въ видѣ муки. На барку ставится до Устюга 60 человѣкъ (коренные и присада), а ниже 35, 40 человѣкъ (одни коренные); десятки на баркѣ не соединяются въ одну общую артель,—каждый десятокъ ведетъ свое хозяйство отдельно. Присада садится на барки безъ ряды. Они не составляютъ артелей; въ Устюгѣ купецъ расплачивается съ присадой по произволу, самъ оцѣнивая услугу каждого—кому даетъ и больше, кому меньше. Платить большею частью по 5, по 6 руб., иногда по 10 рублей, а одинъ никольскій купецъ платить даже по 1 руб. 50 к. и никогда больше 3 руб. Кромѣ того, присада получаетъ хлѣбъ и соль отъ хозяина и тоже безъ положенія — сколько отпустятъ; поэтому они иногда стараются украсть, возьмутъ на день, да опять снова идутъ получать, будто не брали. Присада—это ближайшіе къ городу крестьяне, народъ большею частью бѣдный; многіе изъ нихъ идутъ только изъ-за того, чтобы хлѣбъ получать. Для квартиръ они большею частью нанимаютъ у мѣщанъ бани, тогда какъ коренные помѣщаются въ избахъ. Отъ хозяевъ присада не требуетъ никакой посуды, потому что ёдятъ за все время сплава только хлѣбъ съ водой и потому платить только за квартиру по 1 к. или по $1\frac{1}{2}$ к. за ночь, тогда какъ коренные платятъ по 35 коп. съ человѣка «до отстою», то есть, за все время, сколько простоятъ. Считая по 30 человѣкъ присады на 40 барокъ, всего собирается сюда этихъ бѣдныхъ людей 1200 человѣкъ. Кромѣ присады, на барки садятся въ Никольскѣ двинскіе нищіе, которые въ половинѣ зимы группами проходятъ мимо города въ плодородную Вохму и вятскую губернію, а весной сходятся къ Никольской пристани. Ихъ берутъ на барки даромъ.

Описывая край и стараясь представить полную, всестороннюю картину его жизни, всегда следовало бы не упускать изъ виду тотъ разрядъ людей, который можно назвать интеллигентіей края. Почти всякая область русского государства, Малороссія, Донъ, Сибирь, Поволжье, даже маленький старый Яикъ могутъ указать на группу людей, занимающихся исторіей и статистикой края не изъ простой любознательности, а въ видахъ изученія мѣстныхъ нуждъ и улучшенія народнаго быта. Знакомство съ такими людьми обязательно для путешественника; онъ не только получить отъ нихъ много свѣдѣній о краѣ, но и въ нихъ самихъ найти данные для характеристики мѣстнаго населенія, потому что люди эти всегда отражаютъ на себѣ явныя и тайныя стремленія, достоинства и недостатки среды, въ которой живутъ и интересамъ которой служать. Къ сожалѣнію, для нашего ѿвера еще не народилось такой группы людей. Хотя г. Мордовцевъ, въ одной изъ своихъ статей о провинциальной печати, и сгруппировалъ нѣсколько имѣть, считая ихъ за ѿверную фракцію нашихъ провинциальныхъ писателей, но всѣ эти имена принадлежатъ людямъ, случайно занесеннымъ въ край; другіе «радѣтели ѿвера» хотя и пекутся о немъ, по мѣрѣ своего разумѣнія, но живутъ не на мѣстахъ. И такъ, остается только желать, чтобы такие люди поскорѣе явились въ самомъ краѣ. Правда, и я видѣлъ тамъ людей, которые любятъ свой край и желаютъ ему счастья: то купецъ встрѣтится, читающій всякую статью о своемъ краѣ и даже изрѣдка пописывающій; то учитель въ уѣздномъ городкѣ, хлопочущій обѣ устройствѣ тамъ школъ, библиотекъ и проч.; но всѣ эти люди разсыпаны по краю и другъ друга не знаютъ; нѣть такого общаго пункта, на которомъ они соединились бы въ одну дружную группу. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы кто нибудь предпринялъ периодическое изданіе для нашего ѿвера-востока, на почвѣ котораго всѣ эти глохнущіе въ безвѣстности и въ бездѣйствіи силы могли бы соединиться и образовать полезнаго для общества умственнаго двигателя.

Гр. Потанинъ.